Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ST.PETERSBURG JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES

выпуск 8
volume 8

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1996

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

Переводы,
исследования,
материалы к биографии

различным этнокультурным компонентам древнего мира Ямато, например, что тип жрицы, распространенный на Хоккайдо и на изолированных южных островах Амами и Рюкю, близок к айнскому или сибирскому шаманизму и связан с вхождением в транс, другой же сходствует с полинезийскими типами жриц и основан на стереотипной технике.

Следует помнить, однако, что данная работа автора задумывалась не как научная публикация и представляет собой официальный отчет ученого перед администрацией Петроградского университета, командировавшей его в Японию.

Луна и бессмертие[1]

Когда я, уже много лет тому назад, проезжал по Великому Сибирскому пути мимо Байкала, была чудная июньская ночь. В воздухе стояла прохлада, немного даже знобившая тело, и великое ночное светило своим полным зраком озаряло озеро и близстоящие ночные горные громады, отражая свой лик в зеркальных водах величественного Байкала.

Я вышел на площадку вагона. Там стоял какой-то японец и любовался очаровательным зрелищем. Некоторое время длилось полное молчание, нарушаемое только мерным стуком вагонов. Наконец он первым обратился ко мне. «Когда видишь такую луну, — заговорил он, — невольно душа переполняется избытком нахлынувшего чувства. Неужели вас это не трогает? Мы, японцы, страшно любим луну, и при таком зрелище, как сегодня, поэзия сама напрашивается на уста. Вот я стою здесь уже с полчаса и все не могу оторваться; за это время я сложил несколько поэз. Хотите, прочту?» И с этими словами одну за другой продекламировал два-три коротких японских танка, которые сейчас же постарался перевести мне по-русски, объясняя недосказанное и переданное лишь намеками.

Когда я был еще студентом и только что познакомился с китайской и японской поэзией, меня поражало почти полное отсутствие жизнерадостных, солнечных мотивов, являющихся одной из характерных черт русской поэзии. В Китае и Японии весьма привычны лунные мотивы с их аксессуарами — минорными тонами, меланхолией и сентиментальностью.

---

[1] Эта неоконченная работа Н. А. Невского опубликована в одноименном сборнике «Луна и бессмертие» (Цуки то фуси. Токио, Хэйбонся, 1971). В архиве библиотеки Тэнри хранится начало рукописи этой статьи на русском языке; по-видимому, написанная вначале по-русски, эта статья была переведена самим же ученым для публикации на японском языке. Русский оригинал обрывается словами «Таким образом они будут обеспечены от смерти, ибо». Далее текст статьи приводится в переводе А. Н. Мещерякова с японской публикации. В русском оригинале отсутствует перевод детской песенки про Акана, а также перевод преданий, записанных на Мияко, и заклинательной песни, обращенной к богу урожая. Последний текст удалось отыскать в сборнике Н. А. Невского «Фольклор островов Мияко» (М., 1978), он перенесен в настоящую публикацию оттуда; остальное переводится заново с японского издания статьи. (Далее все комментарии к данному разделу выполнены Л. М. Ермаковой.)

Славянскому духу с его культом Яра, этого бога живительной энергии, бога — оплодотворителя и возродителя холодной и скучной природы, близко по душе солнце с его яркими теплыми лучами, единственной радостью и утехой среди холодной и однообразной природы, и чужд холодный блеск луны, делающей еще более жалким и без того уже жалкое существование.

Китай и Япония, в особенности последняя, с прекрасной природой, страдающие от избытка солнца летом, переносят свое внимание на луну с ее чистым белым зраком, так гармонирующим со всеми окружающими холмами, рощами, синтоистскими и буддийскими храмами и вечерним звоном в последних.

Тихий, бледный свет луны отвлекает жителей таких стран от дневной солнечности, сообщающей жителям характер беспечности и самодовольства, и заставляет задумываться над чем-то отличным от веселой действительности и наконец поверить, что не все в мире только веселье и радость, что рано или поздно придет им конец.

В противоположность солнцу с его яркими жгучими лучами, этому *тайё*, неограниченному источителю живительной энергии ян, луна в ее монотонном холодном сиянье стала рассматриваться как *тайин*[1], т. е. наиболее яркий выразитель диаметрально противоположной силы инь, силы смерти.

Инстинктивный ужас перед смертью вообще, влияние луны на приливы и отливы, несомненно, давно уже подмеченное жителями приморских селений, влияние ее на регулярные очищения у женщин, мистическое влияние ее на лунатиков и, наконец, регулярность фаз луны, положившая начало измерению времени, — все это вместе с красотою луны, так гармонирующей с красотами ночной природы, превратило луну в мистическое божество, которое некоторыми народами рассматривается даже как создатель мира и человека.

В Японии такое персонифицированное божество луны носило название Цукуёми-но-микото, Цукуюми-но-микото, где **tukujumi*, несомненно, значит «время считающий». (Примером того, что древнее **tu* развивалось, с одной стороны, в *tsɯ*, с другой — в *to*, служит хотя бы пример *акацуки*, в Маннёсю читавшийся *акатоки*; ср.: Рюкю'ское *akatuŋk'i/akatunći*.) Древние японские мифы говорят нам, что это был брат Великой богини Аматэрасу, богини солнца, но в общем характер его обрисован весьма слабо, для чего, вероятно, были свои причины у составителей древних анналов.

Поэтому ниже я приведу некоторые предания в связи с луной, собранные мною на островах Окинава (и главным образом в группе Мияко), населенных народом, несомненно, одного происхождения с японцами, который сохранил массу древних верований и ритуалов, уже исчезнувших или почти исчезнувших в самой Японии.

---

[1] *Тайё и тайин* — в рукописи Н. А. Невского здесь стоят иероглифы «солнце» и «луна».

На островах Мияко Солнце и Луна, эти два великих мировых светила, считаются не братом и сестрой, как в древнейших японских мифах, а мужем и женой. Когда супруги — говорят в городке Псара — ложатся спать вместе и муж в супружеских ласках закидывает ногу на тело жены (луны), то свет меркнет — происходит лунное затмение, а когда жена подобным же образом ласкается к супругу, бывает солнечное затмение. Отмечу здесь между прочим, что в Северной Америке индейцы-тлингиты тоже объясняют солнечное затмение посещением мужа-солнца женой-луной (The Mythology of all Races. Vol. 10. North American. By Harley Burr Alexander. Boston, 1916, p. 277).

Однако для обозначения в языке понятий солнечного и лунного затмений жители Мияко пользуются описательными выражениями *tido*; *du unnu num* «глотание солнца демоном» и *cïśś:du unnu num* «глотание луны демоном», что показывает, что наряду с вышеприведенным существовали и другие мифы, объясняющие затмения светил проглатыванием их каким-то чудовищем, каковое представление находим хотя бы у айну (*Киндаити Кёсукэ*. Айну сэйтэн. Токё, 1923. См.: «Поро-ойна», с. 99—150) и малайцев (*Skeat*. Malay Magic. London, 1900, p. 11). У последних этим чудовищем является или громадный дракон (*rahu*) или собака (*anjing*), причем понятие о *rahu* как о каком-то драконоподобном чудовище, глотающем солнце и луну, вместе со словом было, вероятно, заимствовано малайцами у индусов (*Skeat*. Loc. cit., подстрочные примечания 2 и 3).

По преданию острова Тарама, той же группы Мияко, в глубокой древности свет жены-луны был гораздо сильнее и ярче, чем свет мужа-солнца. Последний, завидуя жене, много раз просил ее уступить ему немного света под тем предлогом, что ей, как ходящей ночью, такого ослепительного света не надо. Однако жена не внимала его просьбам. Тогда муж, улучив минуту, когда жена выходила из дому, незаметно подкрался к ней сзади и спихнул ее вниз, на землю. Луна в своем роскошном блестящем наряде упала прямо в грязь и вся измаралась. В это время мимо проходил крестьянин, неся на коромысле два ушата с водой. Увидев луну, барахтающуюся в грязи, он помог ей выбраться и обмыл водой из ушатов, вслед за чем луна снова поднялась на небесную твердь, чтобы озарять мир, но с того времени она потеряла свой яркий блеск. В благодарность же за услугу луна взяла крестьянина к себе, где он находится и посейчас. В такие ночи, когда светит полная луна, ясно можно видеть на луне этого крестьянина, несущего на плечах коромысло с двумя ушатами (записано со слов г-на Токуяма Сэйтэй, уроженца о-ва Тарама).

Человек в полнолунную ночь под влиянием нахлынувших меланхолических мыслей задумывается над смертью, этой вечной трагедией человека, и старается отыскать разгадку этого в светлом зраке луны. Ежемесячное исчезновение луны с небесного свода и вновь появление ее через три дня породило идею воскресения мертвых через

данный промежуток времени, идею, усвоенную христианской религией в приложении к Христу. Пятна на Луне тоже часто интерпретируются различными народами в том или ином отношении к идее бессмертия.

Так, в современной Японии на луне видят зайца, который в ступе толчет будто бы лекарство бессмертия. Но такое объяснение пятен на луне мы не можем считать чисто японским: оно пришло в Японию из Китая вместе с китайскими книгами (Китай, в свою очередь, возможно, заимствовал такое толкование из Индии), но привилось здесь, вероятно, потому, что совпадало до некоторой степени с уже существовавшими до этого поверьями.

Многие народы, как в вышеприведенном примере Тарама, видят в этих пятнах изображение человека. И интересно, что в таких интерпретациях мы часто видим этого человека так или иначе связанным с водой.

Айны, например, говорят, что это был весьма ленивый сын, который терпеть не мог ходить за водой, так что боги в конце концов разгневались, изъяли его из мира людей и поместили на Луну (в назидание людям) (*Bachelor*. The Ainu and their Folk-lore, p. 67—68). Соответствующие тексты в грамматике того же автора, помещенной в третьем издании словаря доктора Бачелора, отдел грамматики (с. 120—121).

Жители Рантума говорят, что это великан, который льет на землю воду и является причиной приливов и отливов. Во время прилива он стоит согнувшись, так как набирает воду, а во время отлива — прямо, отдыхая от работы (*S. Baringgould*. Curious Myths of the Middle Ages. L., 1914, p. 194).

Современные шведские крестьяне говорят, что пятна на луне изображают мальчика и девочку, несущих на шесте ведро с водой, каковое представление покоится на древнем скандинавском мифе, по которому мальчик и девочка, несшие воду, были украдены луною и помещены на небо, откуда их можно было бы видеть с земли.

Представление пятен на луне в виде человека, несущего на коромысле два ведра с водой, находим и на островах собственно Окинава, хотя бы в некоторых деревнях волости Куси в уезде Кундзян на главном острове.

В Сюи и Нафа говорят, что в ясную лунную ночь на луне можно видеть Акана, т. е. мальчиковидное существо с красным лицом и красными же волосами.

По объяснению некоторых, Акана — это оборотень в виде мальчика с красными волосами и лицом, живущий в горах и страшно падкий до вина. В таком описании мы можем усмотреть почти полную аналогию с японским *сёдзё*. Но такое толкование, по моему мнению, уже вторичное, утратившее свой основной характер и обусловленное влиянием заносных японских рассказов о *сёдзё*, чему помогло, вероятно, начало слова, понимаемое как «красный».

Современные дети Сюи, приписывая Акана красные волосы и лицо, считают его братом луны, что видно хотя бы из следующей детской песенки:

akana: jo: akana:	*— Эй, Акана, Акана!*
ma: kai ihuga akana:	*— Куда ты идешь, Акана?*
niJinu nmikai	*— К северному морю,*
gani tujiga	*Собирать крабов —*
wa'ja ihu'	*Вот куда я иду!*
gani tuti nu:su ga akana:	*— А как крабов наберешь, что сделаешь, Акана?*
wa:wunaja:ni k'wijan'	*— Старшей сестре отдам.*
ja: wunaja:ja: ta:jaga	*— А кто твоя старшая сестра?*
№u:guja ucihu	*— Госпожа Луна пятнадцатой ночи*

Акана будто бы иногда сходит с луны вниз на землю и на морских побережьях ловит рыб (и крабов, как в вышеприведенной песенке), у которых выедает глаза, а самих животных отпускает, оставляя людям.

Слово Акана, если мы примем во внимание постоянное чередование r и n в японо-рюкюских диалектах и утрату первичной палатализации, должно возводить к *акаря* (*akar'a:*) «некто светлый», под таким названием человек на Луне известен жителям острова Мияко. Впрочем, обычно его называют там Акаря-ззагама (*Akar'a-zzagama*), где вторая половина соответствует японскому (например на Хоккайдо) *ототцан* и употребляется лицами благородного сословия в приложении к пожилым людям из простолюдинов (со словом *ззагама* обращаются также нищие к хозяину дома, где они просят милостыню).

Интересное предание относительно этого Акаря-ззагама было записано мною от г-на Киёмура Гонин (уроженца Псара) 17 августа 1926 г., когда я уже сел на пароход, отходящий из Псара в Нафа. Г-н Киёмура, в свою очередь, слышал это предание от своей престарелой бабушки.

Приведу ниже весь текст предания полностью и постараюсь его перевести, насколько позволяет мое слабое знание диалектов Мияко.

Повествование о лунном Акариядзагама

Говорят, что это случилось давным-давно, когда на Омияко, прекрасном Мияко, впервые поселились люди. Бог Луны и Небесных путей сиял прямо над головой и, обладая добрым сердцем, решил навсегда сохранить прирожденную красоту человека, снабдив его снадобьем вечной жизни. В ночь на праздник сэтиэ он послал на землю, на нижний остров Акариядзагама. Акариядзагама спустился туда с двумя тяжелыми кадками.

В одной была молодильная вода, а в другой — мертвая. Бог Луны и Небесных путей сказал ему: «Если обольешь человека молодильной водой, то тогда, что бы ни случилось в мире, сможет он воскреснуть и будет обладать жизнью вечной. Змея же — поскольку у него, несомненно, есть душа — полей мертвой водой». Однако Акариядзагама очень устал после долгого путешествия с неба и решил прилечь на траву, желая дать отдых ногам. Когда он положил свои кадки на дорогу и стал справлять малую нужду на обочине, из какой-то щели вылез огромный змей, желая узнать, что тут происходит, и расплескал на себя всю молодильную воду, предназначавшуюся человеку. Акариядзагама страшно испугался.

«Что же делать? Нельзя же воду, предназначавшуюся змею, вылить на человека. Как быть? Но делать нечего, и придется полить человека мертвой водой». Подумал так Акариядзагама и, заплакав, вылил мертвую воду на человека.

В великом беспокойстве Акариядзагама поднялся на небо и, взобравшись наверх, подробно рассказал о случившемся Богу Небесных путей. Тот страшно рассердился. «Я хотел человеку вечной жизни через перерождение, но из-за тебя замысел не удался и все мои планы пошли прахом. Поскольку грех твой перед человеком искупить нельзя, то стоять тебе с кадкой в руках, покуда жив человек и пока процветает Мияко», — сказал Бог, назначив Акариядзагама такую пытку. Поэтому до сих пор он отбывает наказание на луне с кадкой в руках.

Человек — существо такое неразумное! Если бы он был ловким, как змей, и облил себя молодильной водой, он обрел бы способность к перерождению и всегда бы обладал нескончаемой жизнью. Но он был облит мертвой водой и потому подвержен смерти. Змеи же с тех пор сбрасывают кожу, перерождаются и обладают нескончаемой жизнью.

Кончив свой рассказ, г-н Киёмура прибавил по-японски:

«Несмотря на то что благое желание Луны дать людям бессмертие окончилось столь плачевно для человека, божество (*to:tu= ganasi̯*), жалея последнего, решило хоть как-нибудь скрасить его существование и дать ему если не вечную жизнь, то по крайней мере возможность немного помолодеть: и с того времени ежегодно в ночь на праздник сицы нак наз[ываемый] *ʒicïnu araju:*) посылает с неба *bakamizï*, т. е. "молодую воду". Поэтому-то до сих пор существует обычай в первый день праздника, на рассвете приносить с колодца воду, называемую "молодой водой", и окатываться ею всей семьей».

Подобное вышеприведенному предание, но без упоминания о луне, было мною записано еще летом 1922 г. от покойного г-на Томимори Квантаку. А именно:

s̀icïnu ju:nna pstunudu pavvi̯uzsa sakˢiŋ bakamidzu amiu̯taribadu/psto:bakagaiz/pavva bakagairadana ntazsuga/aru tusï pavn maki:bakamidzuamiuti:/pavva bakagaiz/psto:bakagairan'n'o:ŋ naztaz ca.

В ночь на праздник сицы человек облился «молодой водой» раньше змеи и омолодился, а змея так и осталась. На следующий год человек уступил змее и облился после нее, поэтому она омолодилась, а человек с тех пор не омолаживается.

На мой вопрос, каким же образом человек тогда молодел, г-н Томимори ответил, что тогда люди, подобно змеям, сбрасывали с себя кожу.

В том же году, когда я был на о-ве Тарама, один молодой человек, по имени Какинохана Сюнго, рассказал следующее предание того же типа:

ŋk'e:ndu śicïnu ju:nu mizïu tiŋkara urus'iva:lbadu/ niŋgiŋjukara amiru ti:sïbadu/ niŋgiŋja maki:pa̯unu sakˢï nari amital ti:az'z'ibadu/ niŋgiŋja s'ikatainai̯ti:tu pagᶻitu aru:talti:/ as'ibadu/cïme:ŋgᶻibaŋ=ŋgᶻibaŋ tada m'e:ja ksï:ksï s'ï:lul ti: / pa̯uia sïnirubamai sïdi:ja ikˢï=ikˢï=sti:.

Давным-давно, в ночь на сицы, с неба воду ниспослали и, чтобы «человеку первым обливаться», положили. Но человек уступил змее, и она облилась первой, поэтому человек волей-неволей вымыл руки и ноги. Поэтому ногти сколько ни сходят, потом снова и снова вырастают. Змея же хоть и умрет, но сбросит шкуру и оживает.

Анализируя вышеприведенный рассказ г-на Киёмура, мы можем в нем выделить следующие основные элементы:

1). Отправление Лунного (или: Верховным Божеством) посланника к людям в качестве провозвестника вечной жизни.
2). Оплошность посланника, сводящая на нет благое намерение Божества.
3). Наказание посланника.
4). Пятна на луне как ясное свидетельство всего происходившего на вечные времена.

Помимо этих основных в предании находим еще следующие привходящие элементы:

a). Похищение у человека секрета бессмертия животным (в данном случае змеем, сбрасывающим с себя шкуру).
b). Сбрасывание шкуры некоторыми животными (в данном случае – змеями), рассматриваемое как признак возрождения и бессмертия.
c). Нахождение на Луне живой и мертвой воды как символов бессмертия и смерти.

Предание о начале смертности человека на земле в своих основных элементах встречается в разных концах земного шара.

Так, например, по одному готтентотскому преданию, однажды Луна отправила в мир зайца сказать людям, что они будут умирать лишь на короткое время, но тотчас же воскресать, как сама Луна. Но заяц по забывчивости сказал, что люди будут умирать и не воскресать, подобно Луне, и с того дня люди стали смертны. Вернувшись, заяц доложил Луне о том, что сказал. Луна, разгневавшись, бросила в зайца палкой и рассекла его губы. Тогда заяц пустился наутек и бежит до сих пор. Некоторые говорят, что перед бегством заяц исцарапал когтями лицо Луны, каковые следы видны до сих пор (см.: J. G. Frazer. The Beleif in Immortality and the Worship of the Dead. L., 1913. Vol. 1, p. 65).

Не буду более приводить подобных преданий, а отсылаю всех интересующихся к только что цитированной книге профессора Фрэйзера, где он собрал массу фольклора, касающегося данного вопроса у разных народностей.

Хотя в вышеприведенном готтентотском сказании и не говорится, что заяц был помещен на Луну, но то обстоятельство, что пятна на Луне приписывают царапинам, нанесенным зайцем, мне кажется, можно считать позднейшим вариантом основного предания, тем более что почти всех животных, отправлявшихся в качестве посланника Луны или Верховного Божества и приведенных в книге Фрэйзера, мы находим в фольклоре различных народов живущими на Луне (например, зайца — в Индии, Китае и Японии, жабу — в Китае, крысу — на Малайском полуострове, собаку — в Англии и др.).

Объяснение тайны бессмертия сбрасыванием шкуры, наблюдаемым у змей, крабов и некоторых других животных, судя по фольклору, собранному Фрэйзером, находим главным образом у народов Тихого океана. Для иллюстрации приведу один пример из фольклора меланезийцев Новой Британии. По одному из их преданий бог То Камбинана любил людей и желал их сделать бессмертными, но ненавидел змей, собираясь их уничтожить. Тогда он позвал своего брата То Корвуву и сказал ему: «Иди к людям и передай им секрет бессмертия. Вели им ежегодно сбрасывать кожу. Таким образом они будут обеспечены от смерти, ибо... человеческая жизнь будет постоянно возрождаться. Змеям же пошли смерть». Но То Корвува послал людям смерть, а змеям даровал секрет бессмертия. Поэтому с тех пор человек смертен, а змеи стали бессмертны, поскольку каждый год меняют кожу (Фрэйзер, с. 69).

Представление о том, что сбрасывание шкуры змеями, жабами и крабами обеспечивает им вечную жизнь, сделало их символами долголетия, что отражено в фольклоре многих народов; при родах или же праздничных благопожеланиях им молились о даровании счастья.

Японское предание о том, как Канимори-но мурадзи[1] во время рождения Хиконагиса-но микото соорудил метелку, отправился на

---

[1] *Канимори-но мурадзи* — эта легенда излагается, в частности, в «Когосюи» (см. перевод Н. А. Невского в настоящем издании, а также наши комментарии к нему).

берег моря и подметал ею крабов, находит подтверждение в обычае, бытующем на Рюкю. По новорожденному ребенку пускают ползать краба или (на островах Мияко) из отверстий, оставленных приливом на мокром морском песке, достают двух красивых белых крабов, которых называют *P'azma/P'alma* и *çaima*, одного из них запускают под веранду дома, где родился ребенок, а из другого приготовляют бульон для роженицы и младенца.

То, что японцы украшают свой дом креветками из Исэ на Новый год, когда высказываются различного рода благопожелания, имеет несомненную связь с представлениями о перерождении и долголетии.

В деревне Сарахама на острове Ирабу во время посева чумизы с испрошением богатого урожая обращаются с песней к богу Haiju'nukanasï. Эта песня объемлет собой весь сельскохозяйственный цикл, начиная от посева и до сбора урожая, когда к пиру варится новое сакэ, т. е. это заклинание, обращенное к богу с расчетом на достижение определенного результата, которое можно рассматривать как «молитвословие норито» во время моления об урожае[1].

Главные черты этой песни являются общими для всех островов Мияко, и лишь начало ее, являясь особенностью этой деревни, не зафиксировано в других деревнях.

Эй, Бог урожая!
У Сарахамского няйма
Есть нижний дом и верхний дом.
Эй, Бог урожая!
Есть проходной дом.
Когда морская вода отливает,
В нижний дом спускается.
Когда вода приливает,
В верхний дом подымается.

Затем начинается повествование:

Рак-краб, сбросив панцирь, возрождается
И краб исау тоже возрождается.
Эй, Бог урожая!
Нет среди нас не возрождающихся,
Нет родственников [никого] не возрождающихся.
Эй, Бог урожая!
Так поется.

Эти слова не имеют ни малейшей связи с тем, о чем дальше поется в песне, и их можно рассматривать как своего рода заклинание. Т. е. молились о том, чтобы, подобно вечно возрождающемуся крабу, посеянная в том году чумиза не засохла и дала всходы как обычно.

---

[1] *«Молитвословие норито» во время моления об урожае* — см. публикацию «Культовая поэзия древней Японии» в настоящем издании. Песни при посеве чумизы, типологически, а может быть, и генетически сходные с этим норито, см.: Н. А. Невский. Фольклор островов Мияко. С. 37, 61—62.